

«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГОТОВИЛАСЬ
НА КАПРИ...». МИХАИЛ ПЕРВУХИН
О РУССКОЙ КОЛОНИИ НА КАПРИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА А.М. ГОРЬКОГО)

© 2017 г. М.А. Ариас-Вихиль

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 28 января 2017 г.

Дата публикации: 25 марта 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-1-306-327

При поддержке: гранта РФФИ/РГНФ «М. Горький в Италии. К 150-летию юбилею со дня рождения писателя» № 16-04-00394.

Аннотация: Русский журналист Михаил Первухин в очерке «Русские на Капри» (1924) воспроизводит этапы освоения Капри русскими художниками и писателями вплоть до событий 1905 г. и далее этапы формирования русской колонии на Капри. Возникновение и историю русской колонии на Капри Первухин связывает с периодом с 1906 по 1913 гг., когда Капри стал местом жительства русских политических эмигрантов. Главным фактором формирования колонии Первухин считает прибытие на остров М. Горького, литературная и политическая деятельность определяла силовые линии существования русской колонии. Русская революция изменила состав русского населения Капри: теперь в основном на Капри оказались политические эмигранты, что и определило специфику жизни русской колонии. Очерк Первухина — одно из важных свидетельств восприятия личности и творчества Горького в Италии в начале 1920-х гг. Первухин оставил документальные и художественные свидетельства пребывания Горького на острове, написанные с позиций критического осмысления роли Горького в драме русской революции 1917 г. Политическая составляющая жизни колонии выходит у Первухина на первый план. Критическому осмыслению подвергает Первухин и деятельность Каприйской рабочей школы, организованной Горьким и Луначарским. Русские революционеры, по мнению Первухина, оказались глухи к красоте острова, как глухи они и к вечным ценностям, сметенным революционной бурей 1917 г.

Ключевые слова: Горький, Луначарский, Первухин, история «русского Капри», Каприйская школа.

Информация об авторе: Марина Альбиновна Ариас-Вихиль — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия.

E-mail: arias-vikhil@mail.ru

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

“RUSSIAN REVOLUTION WAS PREPARED ON CAPRI...” MICHAÏL PERVUKHIN ABOUT A RUSSIAN COLONY ON CAPRI (BASED ON THE A.M. GORKY ARCHIVE)

© 2017. M.A. Arias-Vikhil

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia

Received: January 28, 2017

Date of publication: March 25, 2017

Acknowledgements: The research was implemented with financial support of the Russian Research Foundation for Humanities. The title of the research project is: “M. Gorky in Italy. To the 150th Anniversary of the Writer” № 16-04-00394.

Abstract: In his essay “The Russians on Capri” (1924), a Russian journalist Mikhail Pervukhin describes the discovery of Capri by Russian artists and writers before the events of 1905 and the development of the Russian colony on the island afterwards. Pervukhin relates the origin and the history of the Russian colony on Capri to the period from 1906 through 1913, when the island became a residence of Russian political immigrants. He sees Gorky’s arrival on Capri as a major catalyzer in the development of the colony due to the defining and formative nature of the political and literary activity of the latter. The Russian revolution of 1905 had radically changed the structure of the Russian population on Capri: since that time it mostly consisted of political refugees. Pervukhin’s evidence is one of the most important documents on Gorky’s reception in Italy. Pervukhin left documentary and artistic evidence of Gorky’s residence on the island written with a special focus on Gorky’s role in the Russian Revolution of 1917 and its critical reconsideration. The author emphasized the political component in the life of the colony. He criticized activities of the Capri school for workers founded by Gorky and Lunacharsky. According to Pervukhin, Russian revolutionaries were indifferent to the beauty of the island and to the “eternal” values swept away by the storm of the October Revolution.

Keywords: Gorky, Lunacharsky, Pervukhin, the history of “The Russians on Capri,” the Capri school.

Information about the author: Marina A. Arias-Vikhil, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: arias-vikhil@mail.ru

Социокультурный феномен «русского Капри» никогда не становился предметом специального исследования, хотя по своей значимости в русской культуре, литературе и истории давно должен был бы привлечь внимание ученых. В чем же состоит особенность феномена «русского Капри», кульминационный момент существования которого приходится на период пребывания на Капри А.М. Горького? Можно утверждать, что как значительное явление русской литературы и истории «русский Капри» сложился благодаря притягательности личности Горького и его особой роли в русской и мировой культуре XX в.

Как рассказывает античное предание, изложенное в «Одиссее» Гомера, остров Капри послужил прообразом знаменитого острова сирен. Этот маленький средиземноморский остров подтвердил в начале XX в. свою славу «острова сирен»: сюда съехались русские писатели, журналисты, художники, философы, политики, кто на несколько дней, кто на несколько месяцев, а кто и на несколько лет. Помимо красоты острова, русских, приехавших на остров, привлекала личность Горького и возможность общения с ним. По словам другого «русского каприйца» А.А. Золотарева, Горький и сам был сладкоречивою сиреною острова, его радушие и ласковые призывы на Капри создали в короткое время у русских художников и писателей традицию приезда на Капри и работы в тихой обстановке острова [4, с. 491]. Сладкоголосые сирены острова сделали пребывание русских на Капри волшебным: именно таким представляется остров в воспоминаниях обитателей «русского Капри». Однако блаженный покой острова был обманчив: за ним скрывалось бурное кипение мыслей и страстей его русских жителей, для которых пребывание на Капри стало важным и порой определяющим

жизненным опытом в силу необычайной интенсивности духовной жизни русской колонии.

Первым попытался осмыслить феномен «русского Капри» и пребывание Горького на Капри как главную составляющую этого феномена журналист и писатель Михаил Константинович Первухин (1870–1928), постоянно живший на Капри с 1907 г. Его судьба характерна для определенной части интеллигенции конца XIX — начала XX вв. [3, с. 554] Выходец из дворянской среды, потомок художника Д.Г. Левицкого, Первухин родился в семье служащего Чертежной палаты в Харькове, окончил реальное училище и поступил в Университет, откуда был исключен за оппозиционные взгляды. Большой чахоткой, Первухин с 1899 г. жил в Ялте, где познакомился с А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым, А.И. Куприным. Имея литературный и журналистский талант, Первухин много писал для газет и журналов, в частности, для газеты «Одесские новости». В 1906 г. Первухин был выслан из Крыма за политическую неблагонадежность. Проработав год в Берлине как корреспондент московской газеты «Утро», Первухин затем перебрался в Италию, где он и провел всю свою оставшуюся жизнь, так как Октябрьскую революцию он не принял и в Россию больше не вернулся. Поначалу его путь ссыльного эмигранта лежал в Венецию, где жил его брат, художник-пейзажист К.К. Первухин (1863–1915), член Товарищества передвижников и Российского Союза художников. В Венеции Первухин долго не задержался, предпочтя Юг Италии, Неаполь, затем Капри, где состоялось его знакомство с Горьким и другими «русскими каприйцами», в том числе и А.А. Золотаревым, также прибывшим на Капри в 1907 г.

Первухин — автор художественных произведений о Капри и Италии (в частности, сборника новелл «Итальянские акварели»), статей в русских и итальянских газетах и журналах, а также книг, запечатлевших портреты «русских каприйцев» и их гостей и, конечно же, Горького — главную достопримечательность каприйской колонии, благодаря присутствию которого остров посетили многие известные литераторы, художники и товарищи по партии большевиков, членом которой Горький в то время состоял. Таким образом, разнообразные по жанру публикации Первухина складываются в своего рода эпос о жизни русской колонии на Капри. Из наиболее известных публикаций назовем очерк «У Горького на Капри» (1907, «Одесские новости»), повесть «Остров сирен», заглавие которой совпадает с названием рассказа И.А. Буни-

на, неоднократно посещавшего Капри по приглашению Горького. Каприйские впечатления легли в основу книги «Большевики» (“I bolsceviki”), изданную в Болоньи в 1918 г. и содержащую ряд разоблачительных портретов вождей Октябрьской революции — Л.Д. Троцкого, В.И. Ленина, А.В. Луначарского, а также Горького, со многими из которых Первухин встречался на Капри. Эта книга до сих пор не переведена на русский язык. Революционному насилию и разрухе посвящена следующая книга Первухина «Большевицкий сфинкс» (“La sfinge bolscevica”), изданная в Болоньи в 1918 г. и также не переведенная на русский язык. В 1922 г. в Берлине вышла его книга «Обломки». В связи с возможностью приезда Горького на Капри в 1924 г. Первухин поместил в каприйском журнале «Островные ведомости» (“Pagine dell’isola”) статью об истории «русского Капри», начиная с XVIII в. и вплоть до 20-х гг. XX в. Портрет Горького, созданный Первухиным, свидетельствует о сложном отношении автора к своему герою. С одной стороны, Горький принял участие в судьбе Первухина и помог собрату по перу погасить одну неприятную историю, связанную с публикацией Первухиным в газете «Русская мысль» своего рассказа «Русские в Италии» (герой рассказа при публикации был «переделан» из мошенника в социалиста). О сочувствии к «большому Первухину» свидетельствует письмо Горького директору издательства «Знание» К.П. Пятницкому, также «русскому каприйцу». Однако Горький не считал возможным привлечь Первухина, считавшего себя наследником чеховской традиции в русской литературе, в качестве автора для своих прославленных сборников товарищества «Знание». Самолюбие Первухина было задето, и он перестал бывать в доме известного писателя.

Историю «русского Капри» Первухин делит на три периода. Первый связан с паломничеством на Капри русских художников и литераторов в конце XIX – начале XX вв. В это время на Капри существовали немецкая и англо-американская колонии, но не русская. Русские посещали остров преимущественно в артистических целях, проживая небольшими колониями в северной и центральной Италии — Венеции, Флоренции, Риме.

Второй период, согласно Первухину, относится к 1906–1913 гг., когда на острове сложилась русская колония. С 1906 г. Капри заселяют политические эмигранты из России, количество которых непрерывно растет. В центре оказывается фигура Горького, которая, как магнит, собирает вокруг себя революционеров. Те из них, которые, в противовес ленинской газете «Пролета-

рий», объединились вокруг газеты «Вперед», открывают на острове партийную школу для рабочих.

Третий период, который Первухин относит к 1914–1918 гг., связан с притоком русских беженцев во время Первой мировой войны. Однако в это время уже нет речи о русской колонии, которая окончила свое существование к концу 1913 г. в связи с политической амнистией по случаю 300-летия дома Романовых и отъездом Горького. Первухин связывает понятие русской колонии на Капри с политической деятельностью русских эмигрантов, считая, что ни в первый, ни в последний период «колонии» как самоорганизующейся структуры не существовало, а были русские поселенцы, по тем или иным причинам оказавшиеся на Капри.

На страницах журнала очерку Первухина предшествует краткий экскурс в историю острова как места, известного своей притягательностью для деятелей европейского искусства. Первухин характеризует Горького и его окружение как людей, которые остались равнодушны к атмосфере этого места, ибо идеология возобладала в них над природой художника.

Исторически предназначением острова было вдохновлять творческие личности, поэтов и музыкантов на создание произведений, в которых воспевалась красота природы в гармонии с простой непритязательной жизнью его обитателей. Остров прославился тем, что здесь Мендельсон-Бартольди написал оперу «Вальпургиева ночь» по мотивам поэзии Гете; Массне создал свою «Ленивую песню» (“*Chanson de la paresse*”), воспев каприйское *dolce far niente*; Вагнер вдохновлялся величественным и грозным видом ущелий острова, работая над «Тристаном и Изольдой»; Дебюсси написал здесь «Холмы Анакапри» (“*Les collines d’Anacapri*”).

Первухин начинает свой очерк с письма И.С. Тургенева писателю Г. Данилевскому (1871): «Из твоего письма я узнал, что ты провел около месяца в Неаполе, посетил развалины Помпеи, но не нашел времени приехать на Капри. Тебе не стыдно? Неаполь красив, Помпеи очень интересны, особенно для тебя, историка. Но остров Капри — чудо. Да, чудо! И не только потому, что там есть “Голубой грот”, но потому что весь остров — настоящий “Храм Богини Природы”, воплощение красоты. Я был на Капри три раза за последнее время и скажу тебе: впечатление останется со мной до смерти! Как не воспользоваться возможностью увидеть этот остров? Не понимаю. Таковы все русские: способны пройти равнодушно мимо самой Венеры, если Богиня не будет оде-

та в современный наряд. Но знай, скоро, я уверен, новое поколение русской интеллигенции изберет остров Капри местом своего паломничества, и кто знает, может быть, мы увидим на нем сильную русскую колонию, состоящую из художников и писателей!»¹ Тургенев оказался прозорлив, и автор очерка прослеживает историю «русского освоения» Капри: «Предсказание Тургенева исполнилось, но не сразу. Прошло несколько десятков лет активной пропаганды в пользу Капри. Характерно, что не русские писатели внесли наибольший вклад в это прославление Капри, а художники и скульпторы. Точнее, два великих художника начали эту пропаганду почти одновременно с Тургеневым в художественных кругах Москвы и Петербурга, настаивая на необходимости посещать и изучать Капри для всех молодых художников и скульпторов, приглашенных в Италию в качестве стипендиатов Императорской Академии художеств. Я говорю об Айвазовском, самом знаменитом русском маринисте XIX века, и его друге Антокольском, самом знаменитом скульпторе эпохи».

Постепенно Капри начинает привлекать все большее внимание русской интеллигенции. Первухин связывает начало русского паломничества на остров с выходом в свет в 1880 г. романа молодого писателя Василия Немировича-Данченко, действие которого разворачивается на Капри. Василий Немирович-Данченко, брат известного режиссера, был, по словам Первухина, «настоящим поэтом», жил на Капри и пылко воспел его. Роман понравился русской публике и привлек на Капри множество туристов. Дело дошло до того, что известность Капри стала предметом обсуждения в императорских кругах. В 1885 г. в Петербурге возник проект собрать деньги по подписке и получить субсидию правительства для организации на Капри «Русского Дома», своего рода пансиона с православной церковью. Однако Александр III наложил вето, мотивируя свой отказ нежеланием вывозить русские деньги. «Никаких подписок и правительственных субсидий!» — ответил император князю Трубецкому, одному из страстных защитников идеи. Сам по себе незначительный, этот эпизод свидетельствует о популярности маленького средиземноморского острова в России.

В период с 1885 по 1905 гг. популярность Капри растет среди членов русских колоний, существовавших во Флоренции и в Риме. В числе посе-

¹ Здесь и далее текст очерка М. Первухина и других источников из итальянских периодических изданий приводится в переводе автора статьи по материалам коллекции Цветеремича Архива А. М. Горького (АГ Кол. Цв. 18-1).

щавших Капри были художники братья Сведомские, Бакалович, Бронников, Риццини, известные в России и за рубежом картинами из быта античных римлян и греков; здесь жили и гостили философ А. Вольтер, писатели Д. Мордовцев, М. Боборыкин, Д. Мережковский и другие.

Революционная буря 1905 г. заставила тысячи русских интеллигентов, причастных к революционным событиям, искать убежища за границей. По традиции большинство изгнанников ехали в Париж или в Швейцарию, но некоторые обосновались на Капри. В их числе, указывает Первухин, были две известные в политическом мире личности: лидер партии социалистов-революционеров республиканский идеолог Григорий Шрейдер, один из наиболее авторитетных и уважаемых русских экономистов, и его противник Максим Горький, влиятельный сторонник социал-демократической партии. Присутствие на Капри Шрейдера прошло почти незамеченным; старый революционер держался в тени и вел скромную жизнь, избегая общения. «Не то Максим Горький, — пишет М Первухин, — литературная слава которого уже гремела в Италии!»

Действительно, в Италии творчество Горького было уже хорошо известно. Авторитетный литературный журнал «Новая антология» (“Nuova Antologia”, 1901, июль, № IV, тетрадь 710), литературное приложение газеты «Рома», посвятил анализу его творчества большую статью известной писательницы и критика Лауры Гропалло, где он был назван «новой звездой литературного мира». В 1904 г. театр Беллини в Палермо поставил драму «Мещане», театр «Костанци» в Риме — драму «На дне», в 1905 г. Неаполитанский театр поставил написанную в Петропавловской крепости пьесу «Дети солнца».

Горького в Италии встречали как жертву и борца против угнетения и тирании. После событий Кровавого воскресения в январе 1905 г. он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Арест получил широкий резонанс, и в его защиту подняли свои голоса Г. Гауптман, А. Франс, О. Роден, Т. Гарди, Дж. Мередит, итальянские писатели Г. Деледда, М. Раписарди, Э. де Амичис, композитор Дж. Пуччини, философ Б. Кроче и другие деятели науки и искусства Италии, Германии, Франции, Англии.

Анализируя причины, приведшие Горького на Капри, из своего «далёка» 1924 г. Первухин пытается дать оценку Горькому не как писателю, а как общественной фигуре. Первухин оспаривает общепринятую версию попу-

лярности Горького в Италии: «В 1905 году родилась любопытная легенда: утверждалось безо всякого основания, что Максим Горький, самый популярный из русских писателей того времени (что тоже было неправдой), стал жертвой жестокости реакционного царского правительства. Эта легенда призывала видеть в Горьком истинного мученика русской революции, осужденного на смерть в России, случайно спасшегося от виселицы и вынужденного бежать за границу. На самом деле Горький, даже оставаясь в России, ничем не рисковал, так как судебное обвинение, предъявленное ему царским правительством, было основано исключительно на факте подписания Горьким воззвания революционного содержания, и суд не мог бы вынести ему слишком суровый приговор. Действительно, другие участники подписания этого воззвания впоследствии были оправданы.

Тем не менее легенда возымела свое действие, и Горький, приехав сначала в Неаполь, а затем на Капри, был встречен с энтузиазмом: в нем видели настоящего политического мученика наподобие Мадзини или Гарибальди».

В статье «Остров мира и покоя» (февраль 1912 г.) неаполитанский корреспондент газеты «Джорнале д'Италия» А.Ф. Гвиди сравнивает пребывание Горького на Капри с обретением земли обетованной: «Его творческий дух нашёл мир и забвение — это то, чего он желал: сонный остров навевает чувство невыразимого утешения. Некоторые говорят, что остров вреден духу Горького: это неправда. Горький умел страдать, а теперь он научился радоваться жизни». Однако Первухин отнюдь не считает, что Капри стал для Горького островом забвения, как это идилично представлялось итальянскому журналисту.

Начиная с 1906 г., итальянские газеты отмечают наплыв русской интеллигенции («люди дела и люди мысли») на Капри. К 1911 г. их число «перевалило за тысячу». А.Ф. Гвиди в статье «Русская колония в Неаполитанском заливе» (июль 1911 г.) отмечает: «Почти все имеют простые, открытые лица, каждый хочет обнять другого как своего старшего или младшего брата. И среди этих друзей Капри первым идет Максим Горький». М. Баккардо в статье «На острове сирен» в «Джорнале д'Италия» писал: «На Капри приехало много русских, но не знатных господ, а служащих, учителей, студентов из Петербурга, Москвы, Вильно, Киева. Им удастся совершить поездку благодаря долгой экономии средств... Они приезжают на Капри потому, что здесь живет Максим Горький. Они собираются здесь и живут одной семьей,

помогают друг другу, учатся по общим книгам». О русской колонии пишет и А. Каппеллетти в статье «Писатели и артисты на Капри»: «На Капри живет Максим Горький. Его пребывание на этом маленьком острове Тирренского моря, овеянном римскими сказаниями об Августе и Тиберии, привлекло сюда множество его соотечественников».

В отличие от своих итальянских собратьев по перу Первухин замечает, что деятельность Горького на Капри отнюдь не была «постижением магической стороны жизни»: «Во время своего пребывания на Капри Горький никогда не оставлял политической, вернее, революционной деятельности. В 1908 г. возникла идея перенести на Капри руководство русской социал-демократической партии, однако не все лидеры партии согласились с этим, и идея не осуществилась. Вскоре, получив в распоряжение крупную сумму денег, подаренных партии эксцентричным и возможно психически неуравновешенным миллионером, Горький предложил организовать на Капри знаменитую «школу революционной техники» для «научной подготовки пропагандистов российского социализма». Тогда на Капри приехали ученики этой оригинальной школы и их инструкторы и преподаватели». Первухин убежден, что русская революция готовилась на Капри: «Самое значительное социальное и политическое потрясение XX в. в качестве инструмента использовало людей, собравшихся на острове вокруг Максима Горького — личности, о которой еще ни литературная критика, ни история не сказали своего последнего слова. В приготовлении разыгравшейся в России великой драмы Горький, несомненно, сыграл одну из главных ролей». Таким образом, подчеркивает автор очерка, на Капри «возник литературный и политический центр, куда входили люди, принадлежащие к экстремистским партиям». Кто-то уезжал сразу, а кто-то оставался надолго, образуя «настоящую русскую политическую и литературную колонию». Собеседниками Горького здесь были революционеры Г.А. Лопатин, Г.В. Плеханов, А.В. Луначарский, А.А. Богданов, В.И. Ленин, Ф.Э. Дзержинский — и это еще не полный перечень имен.

Первухин парадоксально обыгрывает мысль о том, что на Капри жил не один Горький, а два Горьких. Один из них был признанным писателем, вел открытую публичную жизнь, имел широкие знакомства в среде итальянской интеллигенции, принимал прославленных соотечественников: Ф.И. Шаляпина, К.С. Станиславского, И.Е. Репина, А.С. Новикова-Прибоя, М.М. Коцюбинского и др. Но помимо Максима Горького на острове жил мало кому известный

А.М. Пешков, босьяк-нищееанец, который предпринял, возможно, наиболее радикальную за всю свою жизнь попытку создать собственную философию.

За скупыми строками очерка встает драма русской революции, в грядущем сценарии которой радикальная большевистская идеология взяла верх над философией «другой» революции Богданова, «богоискательством» Луначарского и «богостроительством» Горького, которые мечтали о социализме как новой религии человечества [5], в которой Бога людям заменит народ, осуществляющий свою свободную волю.

Главная мысль Первухина заключается в том, что деятельность Горького на Капри была подчинена революционной работе, а не литературе. Впрочем, Первухин признает плодотворность писательской работы Горького: «Непрерывный приток посетителей в доме Горького мог создать впечатление, что Горький только и делает, что принимает гостей. Совсем наоборот. На Капри в доме Горького кипела бурная и плодотворная деятельность. Достаточно перечислить произведения, написанные Горьким в период с 1907 по 1912 год».

Однако, считает Первухин, «продуктивность Горького представляет собой любопытный и очень характерный феномен: анализируя содержание рассказов и романов Горького, задуманных и написанных на Капри, мы не обнаружим никаких следов влияния окружающей обстановки. За шесть лет Горький ничего не сказал о Капри...» Мыслями Горький оставался в России. Первухин утверждает, что Горький за годы пребывания на Капри не вник в итальянскую жизнь, «как будто ничего не видел и не замечал». О «Сказках об Италии» Первухин пишет: «Десяток рассказов, составляющих содержание данной книжечки, не показывают никакого, хотя бы минимального, знания Горьким итальянской жизни».

Действительно ли Горький не сумел оценить и воспеть Италию? Ведь если вспомнить его многочисленные восторженные высказывания об Италии, сохранившиеся на страницах итальянской прессы и в воспоминаниях его итальянских и русских друзей, возникает впечатление, что в Италии он себя чувствовал, как дома. Сибилла Алерамо в своих воспоминаниях цитирует слова писателя: «Если бы я не был русским, я, наверное, хотел бы быть итальянцем» [1, р. 50]. Неаполитанский драматург Роберто Бракко, который провел много часов в беседах с Горьким, приводит такое его высказывание: «Он часто повторял, что только наша страна могла в какой-то мере

стать его второй родиной. Здесь он чувствовал себя как дома» («Джорнале д'Италия», 9 августа 1917). «Однако, — утверждает Первухин, — Горький не создал лирических произведений, прославляющих остров. Это же можно сказать и о других великих людях, приезжавших на Капри к Горькому. Они восхищались островом, но не посвятили ему никаких произведений искусства». Позднее критика ставила горьковские «Сказки об Италии» в один ряд с лучшими произведениями, написанными об Италии, такими, как «Итальянские путешествия» Гёте, «Записки туриста» Стендаля, «Коринна, или Италия» Жермен де Сталь. Понятно, впрочем, что имеет в виду Первухин: его категоричность связана с главной мыслью его очерка — о подготовке на Капри на фоне идиллических пейзажей самой кровавой русской драмы XX в. Упрек Первухина связан, конечно, не с игнорированием Горьким красоты Капри, а с непризнанием приоритета вечных ценностей над социальными, приоритета, который Капри демонстрировал своими морскими пейзажами и руинами вилл Октавиана Августа или Тиберия. Дом Горького «сотрясали политические дискуссии и революционно-пропагандистские речи готовивших пришествие большевизма Рогачевского, Луначарского, Богданова и их малых спутников».

Исполненный горечи очерк Первухина открывает собой летопись истории «русского Капри», которая еще ждет своего прочтения.

М. Perwoukhine²

I Russi a Capri

<...> Il periodo dal 1885 al 1905 è caratterizzato dall'affluenza a Capri dei membri della colonia artistica russa allora esistente a Firenze ed a Roma. Meritano di essere menzionati specialmente i pittori: fratelli Swiedomski, Bacalowich, Bronnikow, Rizzoni, popolarissimi in Russia ed all'estero per i loro quadri consacrati alla storia ed alla vita intima greco-romana, il filosofo storiografo Akim Wolynski, i romanzieri Mordowtzew, Boborykin, Merejkowski. Però, tutti questi migliori rappresentanti del ceto intellettuale ed artistico russo non potevano creare quello che si chiama "colonia" nel vero senso della parola: venivano, passavano a Capri qualche settimana, o qualche mese, e poi andavano altrove.

Sarebbe inutile cercare la loro traccia nella vita dell'isola.

2 Архив А. М. Горького Кол. Цв. 18-1.

Ma questa traccia, ed assai profonda la troviamo nell' arte e nella letteratura russa del periodo corrispondente. Così, per esempio, in molte collezioni artistiche private russe, come anche nelle più grandi pinacoteche pubbliche di Pietrogrado e di Mosca si può (o si poteva prima della rivoluzione russa) trovare una quantità dei quadri consacrati alle bellezze naturali, alla vita storica o moderna di Capri, agli usi e costumi pittoreschi della popolazione locale.

Dal 1906 incomincia un nuovo periodo: a Capri nasce e si sviluppa rapidamente una vera colonia russa di carattere specialissima: la colonia di emigrati politici.

La burrasca rivoluzionaria, che sconvolse la vita russa nell'anno 1905, costrinse parecchie migliaia di intellettuali russi, militanti nei partiti sovversivi e compromessi seriamente nei moti insurrezionali, a cercare rifugio all'estero. La maggioranza degli esuli, seguendo la via già tradizionale andò in Svizzera ed a Parigi. Ma qualcuno, in cerca di luoghi più calmi venne a Capri. Fra questi esuli si trovavano due celebrità del mondo politico russo: il vecchio ideologo repubblicano e *leader* del partito socialista rivoluzionario Gregorio Schreider, uno fra i più autorevoli e stimati economisti russi, ed il suo antagonista Massimo Gorki, uno dei capi più influenti del partito socialista democratico, della frazione minimalista (menscevica). La presenza a Capri di Schreider passò quasi inosservata, anzitutto perchè la sua reputazione politica e letteraria era ignorata all'estero, e poi perchè questo vecchio rivoluzionario indomabile si teneva sempre nell'ombra, menando una vita più che modesta e laboriosissima, non entrando in contatto con gli altri russi allora residenti a Capri. Non così fu per Massimo Gorki: la sua fama letteraria era già da parecchio tempo nota anche in Italia. Nel 1905, nacque poi una curiosissima leggenda: si affermava senza alcun fondamento, che Massimo Gorki, il più popolare tra gli scrittori russi dell'epoca (ciò che era anche falso), era una vittima della ferocia del governo reazionario imperiale. Questa leggenda volle far vedere in Gorki un vero martire della rivoluzione russa, condannato in Eussia a morte e per puro caso sfuggito dal patibolo, per salvarsi all'estero. In realtà Gorki, anche restando in Russia, non correva alcun rischio perchè la causa giudiziaria a lui intentata dal Governo Imperiale, si basava soltanto sul fatto di avere Gorki firmato un manifesto di contenuto rivoluzionario, ed il tribunale non poteva infliggergli una pena molto severa. Infatti, parecchi altri firmatari dello stesso manifesto vennero più tardi assolti.

Ad ogni modo, la leggenda produsse il suo effetto, e Gorki, venuto dapprima a Napoli, e poi a Capri, vi trovò accoglienza entusiastica, poichè la popolazione credeva di vedere in lui il vero martire politico, una specie di Mazzini e Garibaldi.

Ma appena Gorki si stabilì a Capri, scegliendo per sua dimora una casetta abbastanza comoda, ma semplice e modesta, in Russia nacque un'altra leggenda, non meno infondata: si affermava che Gorki aveva acquistato una villa sontuosa, ex-proprietà di un miliardario tedesco, e che, stabilendosi in questo castello degno di ospitare anche un re o un imperatore, menava una vita di lusso e di vizii.

La permanenza di Gorki a Capri vi attirava anche un altro elemento, che merita di essere rilevato.

In Italia Massimo Gorki è noto e popolarissimo specialmente come scrittore di grande valore, capo-scuola della letteratura moderna russa. Ma si ignora il fatto, che nel periodo della sua venuta a Capri, Gorki era tra i più potenti editori russi, essendo allora a capo della ricchissima ed influentissima casa editrice "Znanie" di Pietroburgo. Stabilitosi a Capri, Gorki continuò la sua attività letteraria e politica. Così venne a crearsi nell'isola un vero centro letterario politico russo: per vedere Gorki, per trattare con lui, dalla Russia lontana venivano a stormi i letterati russi, e venivano gli uomini politici, naturalmente, tutti militanti nei partiti estremisti. Parecchi di essi, naturalmente, abbandonavano Capri dopo pochi giorni, ma parecchi restavano lungamente, formando così una vera colonia letteraria e politica russa. Così, per un certo periodo di tempo a Capri ha vissuto un altro celebre scrittore russo, Leonida Andreiew, rivoluzionario indomabile anch'egli e membro influentissimo del partito socialista rivoluzionario, divenuto più tardi nemico personale di Gorki. Verso la fine del 1907 od al principio del 1908 da Parigi vennero il novelliere mistico-anarchico Alessio Zolotarew, il critico letterario e sociologo Basilio Lwow-Rogacewski, i novellieri V. Izmajlow e Sergio Gussew-Orenburyski, nonchè parecchi giornalisti, quasi tutti socialisti.

L'affluenza continua dei visitatori in casa di Gorki poteva creare l'impressione che Gorki non facesse altro che ricevere i suoi ospiti. Invece, in casa di Gorki, a Capri, ferveva una attività laboriosa e produttiva.

Basterebbe elencare le novelle ed i romanzi scritti da Gorki precisamente durante gli anni 1907-1912.

La grande produzione del Gorki costituisce un fenomeno curioso e molto caratteristico: analizzando il contenuto delle novelle e dei romanzi di Gorki, concepiti e scritti a Capri, non riusciamo a scoprire nessuna traccia dell'influenza dell'ambiente. Stando ed instancabilmente lavorando a Capri per più di sei anni di seguito, il mio celebre connazionale disse niente di Capri, non accennò alla vita italiana in genere ed a quella caprese in ispecie, come se egli non l'avesse nè osservata, nè vista.

E vero, che esiste un piccolo volume di Gorki, intitolato "Novelle italiane", ma purtroppo, una decina di novelle che formano il contenuto di questo volumetto, non dimostrano per niente la cognizione benchè minima di Gorki della vita italiana.

Durante la sua permanenza a Capri Massimo Gorki non abbandonò mai la sua attività politica, cioè, rivoluzionaria. Già nel 1908 nacque l'idea di trasferire a Capri la Direzione del partito socialista-democratico russo, ma non avendo questa idea incontrata l'adesione dei membri più importanti del partito suddetto, essa non fu effettuata. Poco più tardi, avendo a sua disposizione una fortissima somma del denaro donato da un milionario eccentrico e pare squilibrato, Gorki propose di organizzare a Capri la famigerata "scuola della tecnica rivoluzionaria" o "per la preparazione scientifica dei propagandisti del Socialismo russo". Allora incominciarono ad affluire a Capri gli allievi di questa scuola originalissima, ed i loro istruttori ed educatori. Massimo Gorki ed il suo compagno, il filosofo e sociologo Anatolio Lunaciarski (attualmente ministro della istruzione pubblica del Governo Sovietista) fungevano da direttori e "professori", coadiuvati da parecchie altre personalità del partito socialista, fra i quali meritano di essere nominati il filosofo Bogdanow o lo scrittore politico Aleksinski. Vi fu anche per poco tempo Lenin. Ma tra gli allievi, circa venti in tutto, la maggior parte fu rappresentata dagli aggenti segreti della famigerata "Okhrana" o polizia segreta imperiale.

Dopo parecchi mesi di esistenza di questa scuola, fra i dirigenti scoppiarono dissensi; Lunaciarski si staccò da Gorki, e gli scolari che rimasero si trasferirono da Capri a San Remo.

La colonia politica russa trascinò la sua esistenza, a Capri fino all'anno 1913, quando, ricorrendo il 300mo anniversario della dinastia dei Romanov, il Governo

Imperiale concesse una larga amnistia ai rivolutiti russi. Allora Gorki e con lui parecchi suoi collaboratori abbandonarono Capri per rimpatriare.

Poco più tardi, nel 1914, al principio della guerra mondiale, la colonia russa a Capri, tanto numerosa prima, si sciolse: quasi tutti i russi preferirono di andare in Russia. Restarono a Capri pochissimi, in maggioranza donne e vecchi.

М. Первухин

Русские на Капри

<...> Период 1885–1905 гг. характеризуется на Капри наплывом членов русской колонии художников, существовавшей во Флоренции и Риме. Особенно заслуживают упоминания художники: братья Сведомские, Бакалович, Бронников, Риццони³, очень популярные в России и за рубежом благодаря своим картинам на темы греко-римской истории и частной жизни, — философ и историограф Аким Вольнский, романисты Мордовцев, Боборыкин, Мережковский⁴. Тем не менее все эти лучшие представители российского интеллектуального и художественного мира не могли создать то, что называется «колония» в истинном смысле этого слова: они приезжали на Капри, проводили здесь несколько недель или месяцев, а потом уезжали в другие места.

Было бы бесполезно искать следы их пребывания в жизни острова.

Но этот след, и достаточно глубокий, мы находим в русском искусстве и литературе соответствующего периода. Так, например, во многих россий-

3 Сведомские, Павел Александрович (1849–1904) и Александр Александрович (1848–1911), жили в Риме, лишь изредка посещая Россию. Работали в академической манере. Павел Сведомский как мастер исторической и жанровой живописи участвовал в росписи Владимирского собора в Киеве. Бакалович Степан Владиславович (1857–1947) — русский и польский художник, яркий представитель салонного академизма в живописи, жил и умер в Риме. Бронников Федор Андреевич (1827–1902) — мастер исторической и портретной живописи, долгие годы жил в Италии, похоронен в Риме. Риццони Александр Антонович (1836–1902) — русский художник итальянского происхождения, большую часть жизни прожил в Италии, жанровый и портретный живописец, профессор живописи, академик.

4 Аким Вольнский (наст. фам. Флексер, 1863–1926) — литературный критик и искусствовед, теоретик символизма, впоследствии историк балета, жил на Капри, дружил с директором издательства «Знание» К. Пятницким, хотя и не сближался с Горьким и его окружением; Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905) — русский и украинский писатель, автор исторических романов на темы истории казаков, совершил ряд путешествий по Египту, Палестине, Франции, Италии, Испании; Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) — писатель, драматург, критик, посещает Италию во время своего десятилетнего путешествия по Европе, после Октябрьской революции жил в Италии; Дмитрий Сергеевич Мережковский (1866–1941) — поэт, писатель и религиозный философ, автор романов и новелл об Итальянском Возрождении. Неоднократно бывал в Италии, посвятил Капри ряд стихотворений.

ских частных коллекциях произведений искусства, а также в крупнейших общественных художественных галереях Петрограда и Москвы можно найти (или можно было найти до русской революции) большое количество картин, изображающих красоту природы, историю или современную жизнь Капри, обычаи и живописные костюмы местного населения.

С 1906 г. начался новый период: на Капри рождается и быстро развивается настоящая русская колония, имеющая очень характерную особенность — это колония политических эмигрантов.

Революционная буря, потрясая русскую жизнь в 1905 г., заставила многие тысячи российских интеллектуалов, боевиков подрывных партий, серьезно скомпрометированных участием в революционных беспорядках, искать убежища за границей. Большинство беженцев, следуя уже традиционным путем, отправились в Швейцарию и в Париж. Но некоторые, в поисках более спокойных мест, приехали на Капри. В числе этих эмигрантов находились две знаменитости российского политического мира: старый республиканец, идеолог и лидер социалистической революционной партии Григорий Шрейдер⁵, один из самых влиятельных и уважаемых российских экономистов, и его антагонист Максим Горький, один из самых влиятельных лидеров социал-демократической партии, ее фракции меньшинства (меньшевиков)⁶. Присутствие на Капри Шрейдера прошло почти незамеченным, в первую очередь потому, что его политическая и литературная репутация не была известна за границей, а также потому, что этот старый несгибаемый революционер всегда держался в тени, вел жизнь более чем скромную, много работал и не входил в контакт с другими русскими, жившими тогда на Капри. Не то Максим Горький: его литературная слава уже давно гремела в Италии.

Но как только Горький поселился на Капри, выбрав себе для жилья дом довольно удобный, но простой и скромный, в России родилась еще одна легенда, не менее безосновательная: утверждали, что Горький купил роскошную виллу, ранее принадлежавшую немецкому миллиардеру, и что, поселив-

5 Григорий Ильич Шрейдер (1860–1940) — российский экономист и публицист, член партии эсеров, на Капри общался с Горьким и В. Черновым.

6 Горький не был меньшевиком, вступив в РСДРП (б) в 1905 г., в дальнейшем не возобновлял своего членства в партии.

шись в этом замке, достойном короля или императора, он вел роскошную и порочную жизнь.

Присутствие Горького на Капри отличалось еще одной особенностью, о которой необходимо упомянуть.

В Италии Максим Горький известен и очень популярен как великий писатель, глава школы современной русской литературы. Но неизвестен тот факт, что в период своего приезда на Капри Горький был одним из самых мощных российских издателей и стоял во главе очень богатого и влиятельного издательства «Знание» в Петербурге. Поселившись на Капри, Горький продолжил свою литературную и политическую деятельность. Так он создал на острове настоящий литературный и политический центр: чтобы увидеть Горького, говорить с ним, из далекой России приезжали стаи российских литераторов, политиков, разумеется, принадлежавших к самым экстремистским партиям. Некоторые из них, конечно, уезжали с Капри через несколько дней, но некоторые оставались надолго, образуя тем самым настоящую литературную и политическую русскую колонию. Так в течение определенного времени на Капри жил еще один прославленный русский писатель, Леонид Андреев⁷, тоже непреклонный революционер и очень влиятельный член социалистической революционной партии, ставший позже личным врагом Горького. К концу 1907 г. или в начале 1908 г. из Парижа прибыл прозаик мистико-анархического толка Алексей Золотарев⁸, литературный критик и социолог Василий Львов-Рогачевский, прозаики В. Измайлов и Сергей Гусев-Оренбургский, а также несколько журналистов, почти все социалисты.

Большая продуктивность Горького представляет собой любопытный и очень характерный феномен: анализируя содержание рассказов и романов

7 Леонид Николаевич Андреев (1871–1919) — яркий писатель и драматург русского символизма, жил на Капри по приглашению Горького с декабря 1906 до весны 1907 г.

8 Алексей Алексеевич Золотарев (1879–1950) — писатель и философ, историк-краевед, политический ссыльный, «русский каприец», оставивший воспоминания о Горьком и русской колонии на Капри (см. Золотарев А.А. *Самро santo* моей памяти. СПб., 2016); Василий Львович Рогачевский (псевд. Львов, 1874–1930) — литературовед и критик социологического направления, выслан за границу за участие в событиях 1905 г.; Владимир Константинович Измайлов (1870–1942) — прозаик и журналист, автор романа «Голос души»; Сергей Иванович Гусев-Оренбургский (1867–1963) — писатель, автор повести «В стране отцов», корреспондент Е. П. Пешковой.

Горького, задуманных и написанных на Капри, мы не обнаружим никаких следов влияния окружающей жизни. Находясь и неустанно работая на Капри более шести лет подряд, мой знаменитый соотечественник ничего не сказал о Капри, не сделал ни одного движения к итальянской жизни в целом и к Капри, в частности, как будто он ничего не видел и не замечал.

Правда, есть небольшая книжка Горького под названием «Итальянские сказки»⁹, но, к сожалению, десяток рассказов, которые составляют содержание данной книжечки, не показывают никакого, хотя бы минимального, знания Горьким итальянской жизни.

Во время своего пребывания на Капри Максим Горький никогда не прекращал своей политической деятельности, вернее, революционной. Уже в 1908 г. возникла идея перевести на Капри Центр российской социал-демократической партии, но не встретив поддержку самых влиятельных членов этой партии, она не была осуществлена. Чуть позже, имея в своем распоряжении большую сумму денег, пожертвованных эксцентричным и, по-видимому, неуравновешенным, миллионером, Горький предлагает организовать на Капри пресловутую «школу революционной техники» или «для научной подготовки пропагандистов русского социализма». Тогда на Капри стали стекаться ученики этой в высшей степени оригинальной школы, а также их преподаватели и воспитатели. Максим Горький и его товарищ, философ и социолог Анатолий Луначарский (в настоящее время министр просвещения в советском правительстве) стали директорами и «профессорами», при поддержке других членов социалистической партии, в числе которых стоит упомянуть философа Богданова и политического публициста Алексинского¹⁰. Туда при-

9 Цикл рассказов «Сказки об Италии» (1913) создан Горьким в каприйский период с 1911 по 1913 гг.

10 Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) — член РСДРП (б), активный участник революций 1905 и 1917 гг., писатель и публицист, первый нарком просвещения РСФСР (1917–1929), жил на Капри по приглашению Горького, один из организаторов партийных школ для рабочих на Капри и в Болонье; Александр Александрович Малиновский (псевд. Богданов, 1873–1928) — революционный деятель, один из лидеров РСДРП (б), крупнейший идеолог социализма, врач-естествоиспытатель, один из организаторов партийных школ на Капри и в Болонье; Григорий Алексеевич Алексинский (1879–1967) — активный участник социал-демократического движения, после революции 1917 г. порвал с большевиками, с 1919 г. в эмиграции.

езжал ненадолго Ленин¹¹. Но среди учеников, общим числом около двадцати человек, большая часть оказалась секретными агентами печально известной “охранки”, императорской тайной полиции.

После нескольких месяцев существования школы среди ее руководителей вспыхнули разногласия; Луначарский отделился от Горького, и оставшиеся ученики уехали с Капри в Сан-Ремо.

Русская политическая колония продолжала существовать на Капри до 1913 г., когда, в связи с 300-летием династии Романовых, Императорское Правительство предоставило широкую амнистию русским революционерам. Тогда Горький и с ним многие его сотрудники покинули Капри и вернулись на родину.

Вскоре, в 1914 г., в начале мировой войны русская колония на Капри, ранее столь многочисленная, распалась: почти все русские предпочли уехать в Россию. На Капри их осталось очень мало, в основном женщины и старики.

*Подготовка текста и перевод с итальянского
М.А. Ариас-Вихиль.*

¹¹ По приглашения Горького В.И. Ленин (1870–1924) дважды приезжал на Капри, однако от участия в работе школы отказался и подверг ее деятельность разгромной критике, организовав в противовес ей партийную школу в Лонжюмо под Парижем, куда и переехали некоторые ученики Каприйской школы в ноябре 1909 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Гардзонио С.* Михаил Первухин — летописец русской революции и итальянского фашизма // Статьи по русской поэзии XX века. М., 2006. С. 183–194.
- 2 *Гучков С.М.* Первухин М.К. // Русские писатели (1800–1917). Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 554–556.
- 3 *Золотарев А.А.* «Campo santo» моей памяти. СПб.: Росток, 2016. 960 с.
- 4 *Aleramo S.* Ricordo di Gorki // Rinascita. 1946. № 3, marzo. P. 49–50.
- 5 *Strada V.* L'altra rivoluzione. Gorkij — Lunacarskij — Bogdanov. La «Scuola di Capri» e la «Costruzione di Dio». Capri: Edizioni La Conchiglia, 1994. 170 p.

REFERENCES

- 1 Gardzonio S. Mihail Pervuhin — letopisec ruskoj revoljucii i ital'janskogo fashizma [Michail Pervukhin as the Chronicler of Russian Revolution and Italian fascism]. *Stat'i po ruskoj poezii XX veka* [Essays on the Russian Poetry of the 20th century]. Moscow, 2006, pp. 183–194. (In Russ.)
- 2 Guchkov S.M. Pervuhin M.K. [Pervukhin M.K.]. *Russkie pisateli (1800–1917). Biograficheskij slovar'* [Russian Authors (1800–1917) Biographical Dictionary]. Moscow, 1999, vol. 4, pp. 554–556. (In Russ.)
- 3 Zolotarev A.A. “*Campo santo*” *moej pamjati* [“Campo santo” of my memory]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016. 960 p. (In Russ.)
- 4 Aleramo S. Ricordo di Gorki. *Rinascita*, 1946, no 3, marzo, pp. 49–50. (In Italian)
- 5 Strada V. *L'altra rivoluzione. Gorkij – Lunacarskij – Bogdanov. La “Scuola di Capri” e la “Costruzione di Dio”*. Capri, Edizioni La Conchiglia, 1994. 170 p. (In Italian)